

ПО ЗАКОНАМ ЖАНРА

ТАТЬЯНА
СТЕПАНОВА

НЕВЕСТА
ВЕЧНОСТИ

ЭКСМО
МОСКВА
2014

Глава 1

ЛИШЕННОЕ ПЛОТИ

2 августа 1982

Зной... небывалый зной... День такой жаркий, что, кажется, асфальт плавится под ногами. На автобусной остановке совсем нет тени. И автобуса тоже нет, а время не ждет.

Майор ОБХСС Надежда Крылова редко носила форму — специфика работы такая в службе отдела по борьбе с хищениями, что лучше одеваться в штатское. Вот и сейчас на ней яркий цветастый сарафан. Чем не дачница, отправившаяся в такую жару, в самое пекло, на автобусе бог весть куда по каким-то делам.

Дела были такие, что ни ждать, ни медлить не могли.

Солнце жарило немилосердно, и кожа на плечах сильно покраснела, начала гореть. Покраснели щеки и лоб. Надежда Крылова пожалела, что не надела на голову панаму. Хотя на ответственное служебное задание — и в пляжной панаме... Но сейчас она была готова накинуть на голову что угодно — носовой платок, завязанный «уголками», сделанный из газеты «кораблик», который почему-то так любят работяги-маляры.

От яркого солнца хотелось закрыть глаза. Она забыла свои дешевые солнечные очки в ящике стола в кабинете. Она ведь собиралась идти на обед в заводскую столовую, как вдруг произошло то, чего она так долго ждала. Ради чего и была откомандирована из министерства сюда, в Подмосковье, в местный ОВД.

Агент Целковый — таков был его оперативный псевдо-

Татьяна Степанова

ним, глуповатый, но весьма точно характеризующий этого типа, — подошел к ней среди бела дня в нарушение всех правил на улице и сказал, что он только что узнал... «Сегодня в Каблуково... хотят ставить клейма на всю партию. Там подпольный цех. Курьер со всей партией приедет на своей машине. Говорят, везет два чемодана. Клейма будут ставить всю ночь. Это работа ювелирная».

Надежда Крылова, забыв про обед, сразу повернула назад — первым делом в дежурную часть срочно попросить машину до Каблуково.

Однако дежурный ответил отказом — какая машина, все на выезде, у нас кража в микрорайоне и еще две машины задействованы на охране порядка, сегодня же День ВДВ, сами понимаете — выпивать будут сильно, гулять допоздна и в речке Соловьевке купаться.

Тогда она решила зайти к замначальника ОВД, но тот, по словам дежурного, тоже только что уехал обедать.

Молодой дежурный смотрел на нее с прищуром, с любопытством — надо же, какая делопутка из министерства. Зачем-то к нам в ОБХСС откомандирована, с местными сотрудниками никаких контактов не поддерживает, все молчком да тишком. И внешне, прости господи, квашня квашней. Толстая, бока висят, ноги в нелепых детских белых носках и сандалиях отекли, волосы крашенные, на висках и на лбу капли пота. Дышит вон как тяжело, словно запаленная лошадь. Разве это майор полиции? Это тетка, право слово — распаренная жарой тетка, которая кажется чем-то сильно встревоженной и...

— Передайте замначальника ОВД, что я в Каблуково. Не забудьте, сразу же скажите ему, как он вернется с обеда. Пусть никуда не отлучается из отдела. Я позвоню с места.

Дежурный кивнул — конечно, передам, а про себя хмыкнул: звони, если в Каблуково телефонную будку найдешь. Там фабричные корпуса. Если только с проходной.

Надежда Крылова быстро пошла к остановке автобуса,

прося у судьбы лишь одного — чтобы автобус пришел сразу. Но этого не случилось.

И вот уже сорок минут она стояла на самой жаре. Она чувствовала, что воздух, который она вдыхала, обжигал, пек ее изнутри. В виске слева появилась ноющая боль.

И тут, наконец, из августовского марева выплыл желтый «Икарус». Крылова тяжело залезла в него. Все, кто там был из пассажиров, предусмотрительно заняли места с теневой стороны. Надежда Крылова хотела сесть, но сиденье оказалось таким горячим, а в окно так жестко и страшно палило солнце, что она встала. И уцепилась за поручни.

И в эту минуту в глазах ее потемнело.

А когда тьма почти рассеялась, она увидела рядом со своей рукой на поручнях нечто — руку, лишенную плоти, кости скелета, унизанные тяжелыми золотыми перстнями, украшенные золотыми браслетами, словно наручниками, словно кандалами...

И пожелтевший лоскут белых подвенечных кружев...

И мертвый оскал...

Лицо, лишенное плоти...

И много, много, много золотых ожерелий, бус и монист на мертвых костях.

Видение... нет, галлюцинация, столь отчетливая и яркая...

Надежда Крылова судорожно вздохнула, ей показалось, что легкие отказываются принимать воздух, но нет...

Мгновение — и все прошло. Она дышит. На поручне автобуса только ее рука, ее кисть, судорожно вцепившаяся в металл. И никакой галлюцинации.

Это все зной. Жара.

Жара...

Это все жара...

Мне плохо от этой жары...

Автобус трясет...

Скоро Каблуково. Надо выходить.

Через десять минут она вышла. Остановку от фабричных корпусов отделяла лесополоса. В стороне — железнодорожная станция и склады.

Промзона. Место пустынное и уединенное. Здесь только утром и вечером — перед сменой и после смены — народ спешит на автобус и на электричку.

Агент Целковый обозначил место. Надо лишь туда дойти и понаблюдать — когда подъедет машина с курьером и чемоданы с товаром занесут внутрь, нужно бежать на проходную и звонить в ОВД, чтобы присылали оперативную группу.

Целковый правильно сказал: ставить клейма — работа ювелирная. С этим они надолго тут увязнут. И как только из ОВД приедет опергруппа, их всех возьмут с личным. Цеховиков... курьера с чемоданами товара.

Она шла через лесополосу к цехам. И радовалась лишь одному — тут тень. Тут, под деревьями, тень. Но вот деревья кончились. Началась растрескавшаяся старая заводская бетонка.

Надежда Крылова шла и... ох, сколько раз она давала себе слово похудеть. Этот вес, этот жир... она ненавидела и проклинала его сейчас, она чувствовала, что каждый лишний килограмм, словно тяжелый неподъемный камень, давит и душит... Она же не карга старая, ей всего-то сорок лет, но что же так давит и гнетет... ноги точно свинцом налитые, и это солнце, это ужасное огненное бельмо там... там...

Она увидела бежевую «Волгу», стоявшую возле железных ворот третьего цеха. Высокий спортивного вида молодой мужчина в джинсах и белой тенниске выгружал из багажника чемоданы. Не два, а больше.

Он обернулся, и Надежда Крылова поняла, что знает его — он проходил по оперативной картотеке. Он проходил по материалам агентурной разработки и...

Еще можно было прикинуться этакой «дачницей», местной кошелкой, отправившейся по самому пеклу неизвестно по каким делам неизвестно куда и очутившейся в месте, о котором знать посторонним не следовало.

Надежда Крылова двинулась вперед прямо к «Волге». Мужчина в тенниске медленно закрыл багажник. Он весь напрягся.

И в это мгновение словно что-то легко и одновременно

НЕВЕСТА ВЕЧНОСТИ

упруго толкнуло Надежду Крылову в грудь с левой стороны. Сначала жжение, потом острая боль... Она даже не поняла, что случилось.

Последнее, что она ощутила, это *то самое* — *лишенное плоти, галлюцинация или явь... звон золотых монист... запах тлена...*

Боль в груди стала нестерпимой. А потом она разом прекратилась. Все, все оборвалось. Ни боли, ни страха, ни плоти, ни золота — только тьма.

Глава 2

ОСТРОВ УЕДИНЕНИЯ

Наши дни

Цени каждый день, посланный тебе, цени каждый новый день, что живешь. Это — сокровище невосполнимое, это редкий подарок. Цени и наслаждайся по мере сил, если есть еще в тебе способность к наслаждению, потому что каждому положен свой срок. И впереди только старость и смерть.

Илья Ильич Уфимцев тяжело, с усилием, поднялся с кресла, где читал и размышлял, как обычно после завтрака, и подошел к окну. Дождь за окном — октябрьский дождь, унылый, как слезы.

В комнате горела настольная лампа, и свет ее, желтый и тусклый, резко контрастировал с дневными дождливыми сумерками. Илья Ильич постоял у окна, глядя на мокрый, залитый водой сад — золото и багрянец листвы, запертая калитка, заваленная палыми листьями садовая дорожка. В свои бодрые дни он еще брал в руки грабли и убирался в саду. Но сейчас эта октябрьская сырость доконала его — к семидесяти семи годам собран целый букет хронических болезней. Артрит всегда обострялся и мучил его осенью и весной.

Илья Ильич медленно поплелся на кухню. Открыл холодильник, достал мазь для коленок и потом искал на кухонной стойке баночку с таблетками — столько лекарств, столько лекарств куплено. Он уж начал путаться в них — какие от чего, и каждый раз давал себе слово завести отдельный блокнот с подробным описанием, какие таблетки когда и от чего принимать.

Но затем наступали бодрые дни, когда хорошее самочувствие к нему возвращалось, и он забывал о фармацевтическом блокноте. Честно говоря, он ненавидел таблетки. Да

и врачей тоже. Они ничего не понимали. По его мнению, они все бестолочи и троечники.

Но сегодня он принял лекарство, чтобы боль в суставах не грызла его так зло.

И снова вперился в залитое дождем кухонное окно.

Хоть бы кто-нибудь пришел.

Или хотя бы позвонил.

Одиночество...

Сейчас... вот сегодня он почти физически ощущал на себе его груз.

А ведь были времена в его жизни, когда он мечтал об уединении и покое. Всю жизнь он только работал. Постоянно занят. После похорон жены, которая умерла рано, когда сын еще учился на первом курсе, дом вообще как-то внутренне зачах, хотя внешне продолжал оставаться полной чашей.

Как давно все это было — целая вечность прошла с тех пор. И сын уже взрослый, дипломат, постоянно живет за границей.

И внучка там, в Москве...

Она не приезжает сюда. Они не виделись с ней очень давно.

Илья Ильич выпрямился. Эх... Когда долго вот так сидишь в ненастные дни дома, превращаешься в сущую развалину. Болезни, старость, одиночество... Это же не только его проблемы. У всех пожилых так. Он вдовец, да, он одинокий, старый и хворый. Но на людях...

Да, хотя бы вот тут, в их коттеджном поселке «Маяк», — когда он идет в магазин или просто совершает прогулку медленно и чинно до самой реки, — он всегда старается держаться молодцом. Высокий, худощавый, слегка сутулый, очень импозантный старик. Он всегда помнит о том, что на людях надо выглядеть пусть и не на все сто, но хотя бы на семьдесят семь. У него все есть, у него неплохая пенсия, у него хороший сын на престижной работе, у их семьи — немалые деньги. А у него есть этот замечательный двухэтажный коттедж, тут, в поселке «Маяк», где живут люди, скажем так — не самые последние в государстве, пусть и «с прошлых времен».

И главное — он не брошен, о нем заботятся.

Ему оказывают поддержку, как в бытовом, так и в духовном плане.

А это и есть самое важное.

Не надо думать о том, сколько еще осталось жить... Это деструктивные, это контрпродуктивные мысли. Такие словечки любили когда-то выдавать в кругах, в которых он работал и общался. Эти слова хорошо применять в отношении политики или бюрократических интриг. А вот в отношении приближающегося твоего смертного часа, конца пути...

Нет, нет, нет, контрпродуктивно так думать — сколько еще отпущено тебе прожить. Но не думать об этом тоже невозможно. Потому что одиночество и старость, болезни и страх — это все там, глубоко внутри.

И даже эта толстая книга, которую он читает по совету умных верующих людей, не дает ответов. Он, Илья Ильич, в своей жизни всегда хотел и добивался конкретных и ясных ответов на конкретно поставленные вопросы о конкретных, пусть и трудновыполнимых целях. Но сейчас таких ответов он не получает. Все как-то смутно, размыто, на грани.

Они толкуют о необходимости веры. Лишь вера якобы даст ответ. И эта толстая книга.

Шаркая ногами, Илья Ильич снова вернулся в кресло под свет желтой настольной лампы.

Книга эта Библия. И надо признаться, что читает он ее порой с великим интересом. Пусть не все там и понятно.

Эти разговоры, когда они обсуждают прочитанное... Он слушает. По роду своей прежней деятельности он привык внимательно и очень вьедливо слушать людей, но решал, как трактовать их слова, намерения и поступки, всегда сам. Но тут эти разговоры о духовном после чтения Библии...

Илья Ильич скользнул взглядом по стеллажам с книгами в комнате. Сколько томов... Всю свою библиотеку из московской квартиры он сvez сюда, в коттедж. А квартиру без книг оставил ей, внучке. Она этих книг никогда не прочтет. Он, правда, тоже не читал особо, но... эта библиотека всегда создавала настроение. Особенно полки с мемуарами. Многих, которые писали эти мемуары, он помнил и знал.

Но сейчас из всех книг его интересовала лишь эта одна. Илья Ильич уселся поудобнее в кресле, накрыл колени пледом и пролистал Библию.

Пророк Иезекииль, стих двадцать третий. Сестры Огола и Оголива, принадлежавшие Господу, но не оставшиеся ему верными.

Читая, он улыбался — *они* смущались, когда он затевал обсуждение двадцать третьего стиха. Они смущались и говорили — что вы, право, Илья Ильич. Женщины, они всего лишь женщины, хоть и в монашеской одежде.

Скользя взглядом по строчкам, он чутко прислушивался к шуму дождя — не раздастся ли звонок или чей-то голос окликнет с улицы, прося открыть калитку.

Нет, пожалуй, в дожде и не услышишь, а то еще и задремлешь тут в кресле. Звонок в дверь громкий, он разбудит, а вот насчет калитки...

Илья Ильич встал, решительно накиннул куртку, сунул ноги в разношенные кроссовки без шнурков с открытой «липучкой», взял зонт и вышел из дома под дождь.

Он добрел до калитки и открыл шеколку. Лишь набросил сверху на створ калитки и забора специальное железное кольцо, так что все его гости могли бы открыть калитку самостоятельно и зайти в сад, чтобы уже из сада позвонить в дверь. Так он поступал и раньше. Это был своеобразный знак гостеприимства. И одновременно знак боязни одиночества.

Если что-то, не дай бог, случится — сердечный приступ там или удар... Те, кто о нем заботятся, да и вообще соседи, люди придут... найдут, помогут, вызовут «Скорую помощь». В его возрасте в таком доме нельзя забаррикадироваться, нельзя запирается на все замки.

Боязнь воров и грабителей — это одно. Но боязнь внезапного ухудшения самочувствия, боязнь смерти — это другое. Тут уж надо выбирать.

Дождь начал понемножку стихать. Небо над поселком «Маяк», утопающим в золоте и багрянце подмосковной осени, постепенно светлело.

Глава 3

СТРАШИЛИН

Глазунья из трех яиц шкворчала на сковородке, пузырилась, плевалась жиром бекона, дразнила обоняние, но, увы, не радовала глаз. Вся какая-то косая, съехавшая набок.

Андрей Аркадьевич Страшилин убавил огонь на плите и тоскливым взором окинул кухню. Бардак...

После ухода супруги он ощущал себя на кухне в процессе готовки обеда или ужина словно на горячих углях. Вещи, которых прежде он в упор не замечал, считая само собой разумеющимися и обыденными, внезапно превращались в чудеса с норовом и собственным непредсказуемым вектором поведения: молоко скисало, спагетти отчего-то не желали помещаться ни в одну из кастрюль и торчали, как спицы, из кипятка. Мясо, когда он его пытался жарить на гриле, превращалось в черный шмат не пойми чего. Духовка раскалялась, как домна. Жир постоянно заляпывал всю варочную поверхность и столешницу, и обычным туалетным мылом отмыть его было невозможно. Приходилось тащиться в хозяйственный за моющим средством. Каким?? Посудомойка выдавала после сеанса посуду не идеально чистой — например, в чашках внутри сохранялся темный налет от чая и кофе.

Яичница опять подгорела — мать ее за ногу!

Сотовый звонил.

Попугай Палыч, лысый, старый и вредный, орал, сидя на кухонном шкафу: «Не в свои сани не садись!!!»

— Не вопи под руку!

— Андрююююююшаааа!! Кррррасавец!